

весьма часто, потому что реформа, начатая въ 1874 и продолженная, но не оконченная въ 1883 г., стояла на очереди уже съ первой половины шестидесятыхъ годовъ,—защитники *status quo* ссылались на то, что льготы, данныя раскольникамъ, будутъ истолкованы въ смыслъ признанія раскола, въ смыслъ равноправности его съ православіемъ. Этому аргументу придавалось особое значеніе; онъ считался чуть не главнымъ доказательствомъ опасности, сопряженной съ преобразованиемъ. Если онъ не остановилъ законодателя, не помѣшалъ реформѣ, то какое же значеніе можетъ онъ имѣть въ настоящее время? Слухи и толки, идущіе въ разрѣзъ съ настоящимъ характеромъ закона, были предусмотрѣны заранѣе. Скажемъ болѣе—они были неизбѣжны, потому что желаемое всегда кажется возможнымъ, вѣроятнымъ, потому что человѣку свойственна наклонность вѣрить въ наступленіе того, что онъ считаетъ необходимымъ и справедливымъ. Отъ неправильныхъ толкованій не огражденъ ни одинъ законъ, но они не должны быть разсматриваемы ни какъ препятствіе къ его изданію, ни какъ поводъ къ его отміну. Единственное и вмѣстѣ съ тѣмъ вполне достаточное противъ нихъ средство—это опыты указанія дѣйствительности. Встрѣчаясь на каждомъ шагу съ стѣсненіями и преградами, убѣждаясь фактически въ живучести ограниченій, издавна тяготѣющихъ надъ расколомъ, самые легковѣрные „простецы“ изъ среды раскольниковъ не могутъ не понять, что увѣренія расколуучителей о признаніи раскола лишены всякой реальной основы. Нельзя же предположить, въ самомъ дѣлѣ, что раскольники лишены способности видѣть очевидное, разумѣть безспорное; нельзя же утверждать, что для нихъ недоступна и непостижима разница между терпимостью—терпимостью, притомъ, до крайности условною и далеко не полною—и настоящей религіозною свободой. Не только раскольникамъ, побывавшимъ въ одной изъ столицъ или въ одной изъ западныхъ губерній, но и раскольникамъ приволжскимъ случалось видѣть въ городахъ и селахъ лютеранскія и католическія церкви, магометанскія мечети, существующія открыто, съ крестами, куполами или минаретами, съ духовенствомъ, носящимъ костюмъ своего званія. Заключалъ ли отсюда кто-нибудь изъ нихъ, что лютеранство, католицизмъ, мусульманство стоятъ въ глазахъ правительства на одномъ уровнѣ съ православіемъ, равноправны съ нимъ передъ лицомъ закона? Безъ сомнѣнія—нѣтъ; ничего подобнаго не приходило и не приходитъ въ голову ни раскольникамъ, ни самимъ православнымъ. Гдѣ же причина опасаться недоразумѣній по отношенію къ расколу, и теперь, несмотря на изданіе закона 3-го мая, поставленному въ положеніе, гораздо менѣе благоприятное, чѣмъ иновѣрные исповѣданія, христіанскія и даже не-христіанскія? Гдѣ причина